

«Мир» газете 1977, 30 апреля, № 13

СТРОЧКА - ФОРМУЛА Андрея Вознесенского. За ней — многое. Далеко не все из тех, кто с увлечением вслушивается сегодня во все перепяди напряженного голоса этого поэта, могут представить себе то, что представляло Вознесенскому в замечательной родословной русской поэзии XX века. Для меня эта родословная — да будет позволено напомнить ее — началась, когда Маяковский в Тенишевском училище в Петрограде читал свою поэму «Человек» и сразу же через нее стал для меня своим. Потом восторженное знакомство с ним в 1920 году в Московском Доме печати, что на Никитской, с живым Маяковским и с людьми его поэтического круга. С фантастическим Велимиром Хлебниковым — он ночевал у меня в № 435 бывшей купеческой гостиницы «Деловой двор», что на Варварке, ставшей объектом работников ВЦСПС. — общежитие отапливалось! И в тот же № 435 приходил ко мне Борис Пастернак, жаждавший печататься... Я был в числе — увы! — сегодня немногих сопровождавших первые космические шаги новых русских поэтов Великого Октября. И разве удивительно, что этот марсианский взлет захватил и меня — пылинку в их общей судьбе...

Все это вспомнилось при появлении Андрея Вознесенского. Неужели его не было тогда среди нас?

Отсвет лучшего, что было у этих основоположников советской поэзии, лег и на многие удачи Вознесенского.

Стихи не пишутся, они «случаются» — в чем-то, самом главном, хотя, конечно, не исчерпываемом, с этим согласиться нужно. Но, как всякий случай, они бывают счастливые и несчастные. Стихотворение — несчастный случай — непреодолимо притяжителем, не всегда сразу понятным, но поистине волшебным, как сама жизнь. Та самая жизнь, о которой несравненный Юрий Олеся сказал: «Мы живем впервые...».

Андрей Вознесенский — уже далеко не юноша, для поэта он прожил большое время: ведь мы, старшие, живем ныне не «впервые», а в полном смысле во второй раз, второй жизнью после Победы в Великой Отечественной войне, второй жизнью, цель которой (условие для осуществления нашего гуманистического идеала) одновременно и всеобщая для всех людей на земле: защита самой жизни, мир для всего мира. В годы войны Вознесенский был еще мальчиком. А на путь величайшего риска — своему сыну я бы не посоветовал, — во власть случайностей Поэзии вступил уже в эпоху, открытую нашей Победой. И как любовно, по-сыновнему, по-русски сказал он о первом ее поэте в стихотворении «Пел Твардовский в ночной Флоренции...». Никто не высказался так о душе России, звучащей в пении Твардовского, сочетавшем, непостижимо для чуждого слуха, «лебединого Модильяни и рублевский изгиб мадонн»:

...не понять им, что страшным ликом, в модернистских тюрмо отсвечивая, приземлилась меж нас Великая Отечественная...
...Я приняла вдруг переводчица, как за Волгой ждут перевозчика, и глаза у нее горят, как пожары на Жигулях.
Ты о чем, Ирма-рябина, поешь? В Россию твою любимую вступила война и ложь...

Стихи, счастливо рожденные. Они многое таят в себе. Но «случаем» нужно уметь воспользоваться. Да, стихи «случаются», но они еще и делают? — «Как делать стихи?» — в такой

чем не виноват, но ведь нужно понимать шутку. Маяковский этому учит. У Маяковского она величественна. В «Юбилейном» она звучит извинением перед Пушкиным — ведь некогда Маяковский сбрасывал его с «парохода современности».

Были б живы — стали бы по Лэфу соредантор.
Я бы и агитки вам доверить мог.

Большая аудитория Политехнического стала домом Маяковского. Этот его дом разросся ныне в «Стадион» поэзии — многомиллионную читательскую ау-

Эмигранты селились в Зимнем.
А России сердце само — билось в городе с дальним именем Лонжиюмо.

Образ Ленина, образ революции, зарождавшейся в старой России, таят в себе у Вознесенского те могучие силы, которые приведут к великому дню нашей Победы над германским фашизмом. Под Парижем Ленин играет в городки — превосходная реалистическая сцена двойного, символического смысла:

Революция играла озорно и широко! Раз! — врезалась бита белая.

В каждом городе он лежал на отвесных российских простынях. Называлось не кинозал — просто каждый пришел и прастился.

А как повезло поэту с заключительной строфой как она сделана — в ней народный обычай поставил знак равенства между искусством художника и творчеством самой природы: ведь только судьба Байкала, о котором было столько тревог, могла выразить то, что было в душах советских людей, когда «Хоронила Москва Шукшина».

Он хозяйственно понимал край как дом — где березы и хвойники.

«СТИХИ НЕ ПИШУТСЯ — СЛУЧАЮТСЯ...»

В. ПЕРЦОВ

ШТРИХИ
К ПОРТРЕТУ
АНДРЕЯ
ВОЗНЕСЕНСКОГО

дириторию. Разве это не прекрасно? Ни о чем подобном Пушкин не мог бы и мечтать...

Вознесенский писал в предисловии к своей книге избранных стихов:

«В 60-е годы группа поэтов — и я в том числе — попробовали расширить аудиторию стиха от гостиницы до спортстадионов. В наше время для истинной поэзии любая аудитория тесна, любой тираж мал. Но, по моему давнему убеждению, развитие поэзии должно идти не столько вширь, сколько вглубь...» Прекрасные мысли. А дальше еще лучше: «Российская муза всегда была общественной, исповедальна — ее не зря отождествляли с совестью».

И вот вам ярчайший пример и общественного, и исповедального звучания поэзии — «Лонжиюмо». Поэма «посвящается слушателям школы Ленина в Лонжиюмо». После поражения революции 1905 года Ленин развернул школу в маленьком городке под Парижем — готовить кадры будущих пролетарских революционеров. Он — сердце России, в эмиграции остался «среди великодержавных харь, среди ряс и охотнорядцев... царь!».

как авроровский фугас — так что вдребезги империи, церкви, будущие берин — Раз! Ну играл! Таких оттягивал «паровозов!» Так играл, что шарахались рейхстаги в 45-м наповал!

...Приходит на память теплота, с которой Ильич в слове «нашенский» передал свое чувство неразрывной связи с родной землей, когда читаешь стихи Вознесенского о широте русского характера, о прелесть русской природы — «Сибирские бани», «Озеро»... Сравнивая себя — художника с «озером красоты русской периферии», поэт восторженно восклицает: «...как я бездарен!».

Если бы литературное произведение, обращенное к ушедшему из жизни, обладало способностью воскресать, то таким, наверное, «случилось» бы стихотворение Вознесенского, посвященное Василию Шукшину — любви и гордости русского искусства, советских людей «Смерть Шукшина»... Несмиряющаяся скорбь подсказала поэту образы продолжения творческой жизни художника в потрясенных сердцах соотечественников:

Занавесить бы черным Байнал, словно зеркало в доме покойника.

В рамках газетной статьи приходится говорить коротко, сжато о том замечательном, что выделило Андрея Вознесенского среди других поэтов, пишущих, как и он, уже почти два десятилетия, и переходить к тому, что мешает его таланту «дару случайному», развернуться во всю его мощь и подчас делает его «даром напрасным», если воспользоваться незаменимыми пушкинскими словами о жизни.

Не могу не сказать о цикле, названном «Мемориал Микеланджело» в недавно выпущенной вслед за «Дубовым листом...» второй большой книге «Витражных дел мастер». На мой взгляд, такие, скажем, миниатюры, как «Истина», «Любовь», «Утро», «Гнев», «К Данте», «Творчество», никак не восходят к той школе основоположников советской поэзии, во главе которой мы непременно ставим Маяковского.

я заставляют вспомнить, что поэзия Вознесенского родилась в лоне архитектуры и шире — искусства изобразительного.

Как совмещается эта классичность Вознесенского с произвольной невнятицей ряда его образов, которая сближает некоторые его стихи со словесными эпатажами Крученых, что делает какую-то, пусть небольшую, часть творчества Андрея Вознесенского явлением литературно вторичным? Крученых был человеком односторонне талантливым, его односторонность как-то совмещалась в то время с духом протеста против застоя в русской жизни, но сегодня Вознесенский порой совершенно незаконно возвращается к давним-давно пройденному русской поэзией В интересном по художественному решению стихотворении «Гангстеры» поэт рассказывает о том, как он был ограблен в Риме. В тонком по юмору эпизоде стиха содержится совершенно ни с чем не связанная, но вполне чувственная характеристика зауми:

— Что в сумме?
— Рисунки, лиры и рифмы.
— Что за тарифы шифруете под термином «рифмы»?
— Секрет фирмы.
— Вретел!
— Вроде: «Дыл бул шир миру — мир 1 р — тыща ляр не надо в кутузку Ренато Гуттузо разрыв — трава амур — трава и др. слова».

Не пора ли многоопытному мастеру стиха Андрею Вознесенскому полностью утвердиться в своей яростной духоподъемности и решительно отказаться от подражания заумникам? Мода проходит, искусство остается. Если стихи «случаются», то книги стихов уж во всяком случае, делаются. Оставим мастерскую стиха с ее вариантами для изучения стиховедам. Поставим к книгам Андрея Вознесенского эпиграфом превосходную строфу из его «Мастеров»:

Художник первородный — всегда трибун. В нем дух переворота и вечно — бунт.

И еще — строки собственного эстетического credo поэта:

«Российская муза всегда была общественной, исповедальна — ее не зря отождествляли с совестью».

У нас, поэтов, дел по горло кто занят задом кто содохладом. Другие, как страусы, прячут головы, отсюда смотрят и мыслят задом

Принимаем. Ну, а дальше — среди идиотств, суесть, наветов поэт одиозен, порой смешон — лона не требует поэта и священной жертве Стадион!

Законен ли юмор в последней строке? Вдумаемся: откуда смотрит поэт на то, что он делает, выступая вместе со своими сотоварищами, как достойный трибун. Вспомните «Юбилейное», обращенное Маяковским к Пушкину, — образец для Вознесенского:

Вам теперь пришлось бы бросить ямб картавый. Иынце наши перья — штык да зубья вил, — битвы революций посерьезнее «Полтавы» и любовь пограндиознее онегинской любви

Что здесь поражает прежде всего? Мысль, огромная мысль о революции и любви. Ямб, конечно, ни в